

Закат звезды ее кровавый:

Революция 1917 г. в произведениях и воспоминаний русских писателей

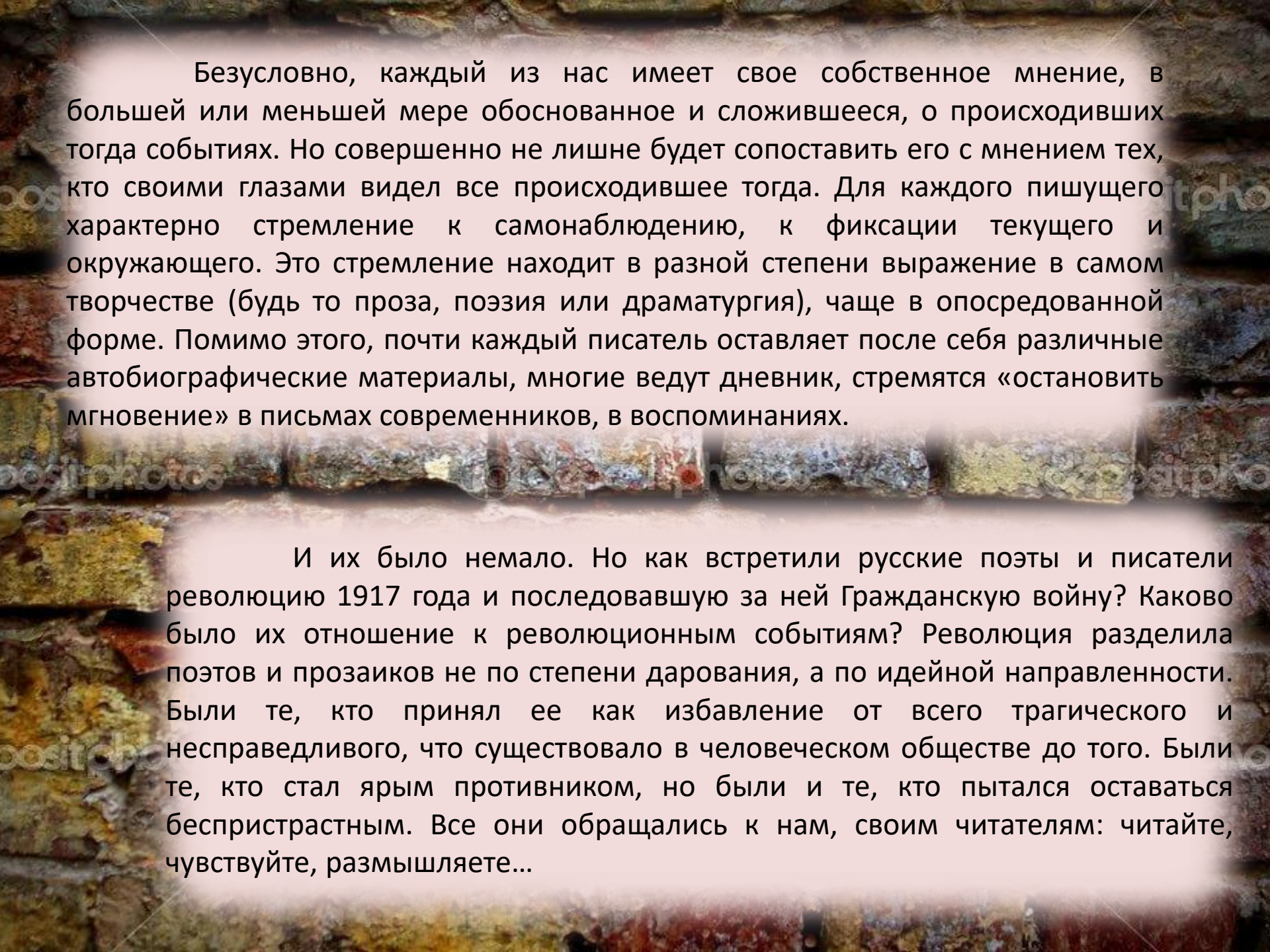
Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Ф.И. Тютчев
«Цицерон»

Революция есть кара, посылаемая людям за то, что они не обнаружили творческой духовной силы, не творили лучшей жизни..

Н. Бердяев

В 2017 году исполняется ровно сто лет, как в нашей стране произошло одно из крупнейших событий XX века. Как только ни называли и ни называют это событие: революция 1917 года, октябрьская революция, октябрьское восстание, октябрьский переворот, большевистский переворот, Великая Октябрьская социалистическая революция. С каких только позиций не оценивали и не оценивают результаты. Остается бесспорным только одно – это было эпохальное событие, перевернувшее существовавший до того миропорядок не только одной страны, но всего цивилизованного мира. Это событие такого рода, когда последствия сказываются не только на судьбах современников, но и на судьбах людей, живущих спустя десятилетия – т.е. и на наших с вами судьбах.

The background of the slide is a photograph of a stone wall. A prominent horizontal crack runs across the middle of the image, dividing the wall into two sections. The stones are of various colors, including shades of brown, grey, and yellow, and appear weathered. The lighting is somewhat dramatic, with shadows and highlights on the surface of the stones.

Безусловно, каждый из нас имеет свое собственное мнение, в большей или меньшей мере обоснованное и сложившееся, о происходивших тогда событиях. Но совершенно не лишне будет сопоставить его с мнением тех, кто своими глазами видел все происходившее тогда. Для каждого пишущего характерно стремление к самонаблюдению, к фиксации текущего и окружающего. Это стремление находит в разной степени выражение в самом творчестве (будь то проза, поэзия или драматургия), чаще в опосредованной форме. Помимо этого, почти каждый писатель оставляет после себя различные автобиографические материалы, многие ведут дневник, стремятся «остановить мгновение» в письмах современников, в воспоминаниях.

И их было немало. Но как встретили русские поэты и писатели революцию 1917 года и последовавшую за ней Гражданскую войну? Каково было их отношение к революционным событиям? Революция разделила поэтов и прозаиков не по степени дарования, а по идейной направленности. Были те, кто принял ее как избавление от всего трагического и несправедливого, что существовало в человеческом обществе до того. Были те, кто стал ярким противником, но были и те, кто пытался оставаться беспристрастным. Все они обращались к нам, своим читателям: читайте, чувствуйте, размышляете...

Ощущение нового мира: революция 1917 г. в зеркале русской литературы

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас –
тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».
А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

М. Валошин
«Гражданская война»

В конце зимы под Новочеркасском уже завязывались зачатки гражданской войны, а в верховьях Дона, в хуторах и станицах, кладбищенская покоилась тишина. В куренях лишь шла скрытая, иногда прорывавшаяся наружу, семейная междоусобица: старики не ладили с фронтовиками.

О войне, закипавшей под стольным градом Области войска Донского, знали лишь понаслышке; смутно разбираясь в возникавших политических течениях, выжидали событий, прислушивались.

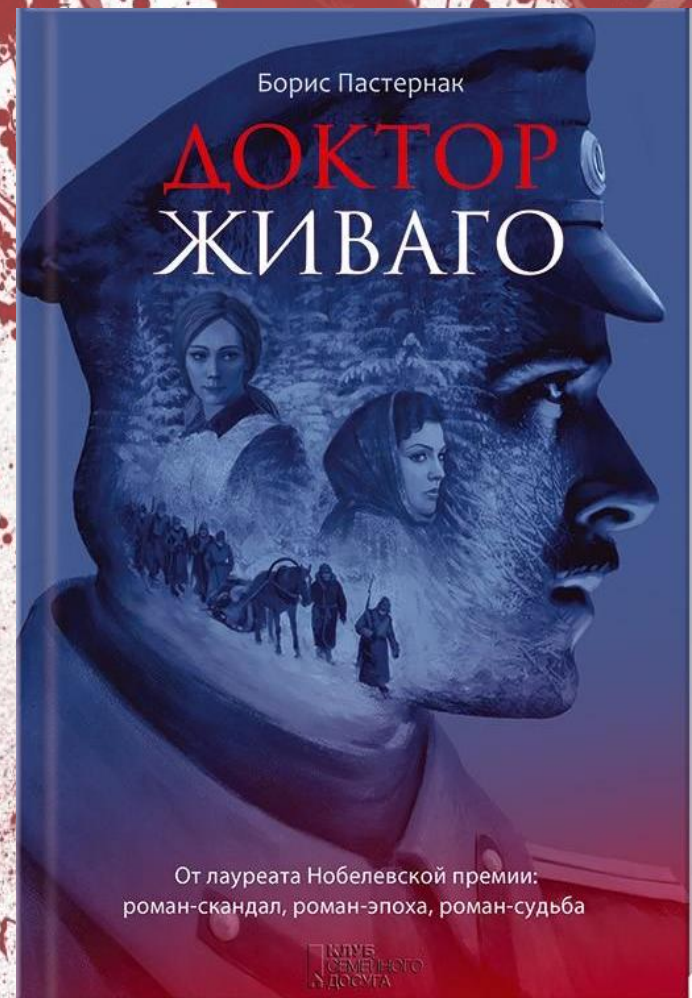
До января и на хуторе Татарском жили тихо. Вернувшиеся с фронта казаки отдыхали возле жен, отъедались, не чужали, что у порогов куреней караулят их горшие беды и тяготы, чем те, которые приходилось переносить на пережитой войне.

Книга находится в отделе обслуживания гуманитарной литературой научной библиотеки ЧГМА

Вы подумайте, какое сейчас время! И мы с вами живем в эти дни! Ведь только раз в вечность случается такая небывальщина. Подумайте: со всей России сорвало крышу, и мы со всем народом очутились под открытым небом. И некому за нами подглядывать. Свобода! Настоящая, не на словах и в требованиях, а с неба свалившаяся, сверх ожидания. Свобода по нечаянности, по недоразумению. И как все растерянно-огромны! Вы заметили? Как будто каждый подавлен самим собою, своим открывшимся богатырством. Каждый ожил, переродился, у всех превращения, перевороты. Можно было бы сказать: с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая.

Книга находится в отделе обслуживания гуманитарной литературой научной библиотеки ЧГМА

Великое дело, граждане командиры, мыслить большими категориями. Что хочу сказать? Спасибо революции за то, что она оторвала нас от унылых мелочей. Богоравное существо, человек, предназначенный к совершению высоких задач – как Орфей оживлять струнами камни и усмирять бешенство дикой природы, - человек этот при ночнике муслил кредитки и ум, как бы ловчее объегорить соседа... Спасибо вам, - разбили убогое житье, будь ему нелегкая память... Муслить больше стало нечего, хочешь, не хочешь – перестраивайся на высокие темы.

Но, граждане командиры, хочу с вами поспорить... Боритесь вы ради счастья человека, а человека – то часто забываете, он у вас пропадает между строк. Не отрывайте революцию от человека, не делайте из нее умозрительной философии, ибо философия – дым: приняв чудный облик он исчезает...

Книга находится в отделе обслуживания гуманитарной литературой научной библиотеки ЧГМА

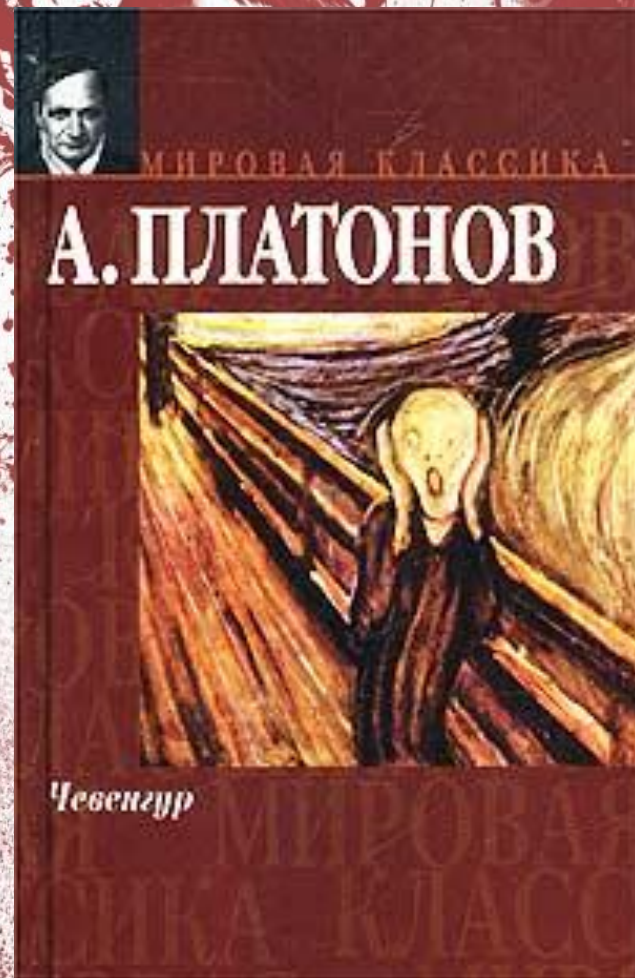
Вышло, — сказал Дванов. — Что ж зря пропадает лучшая земля? Целая революция шла из-за земли, вам ее дали, а она почти не рождает. Теперь ее пришлым поселенцам будут отдавать — те верхом на нее сядут... Нароют колодцев, заведут на суходолах хутора — земля и разродится. ***. Советская власть урожай любит.

— Это-то хоть верно, — загорюнился Поганкин. — Ей тогда удобней разверсткой крыть!— Разверстку скоро запретят, — выдумывал Дванов. — Как война догорит, так ее и не будет.

— Да мужики тоже так говорят, — соглашался Поганкин. — Ай кто стерпит муку такую нестерпимую! Ни в одной державе так не полагается... Либо правда в степь-то уйти полезней?

— Уходи, конечно, — налегал Дванов. — Набери хозяев десять и трогайся...

Книга находится в отделе обслуживания гуманитарной литературой научной библиотеки ЧГМА

Но как жить? Как же жить?

Алексею Васильевичу Турбину, старшему, – молодому врачу – двадцать восемь лет. Елене – двадцать четыре. Мужу ее, капитану Тальбергу, – тридцать один, а Николке – семнадцать с половиной. Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете. Давно уже начало мести с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже. Вернулся старший Турбин в родной город после первого удара, потрясшего горы над Днепром. Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее. На севере воет и воет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли. Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистей.

*Книга находится в отделе
обслуживания гуманитарной
литературой научной библиотеки
ЧГМА*

Тут дело было проще: убивали и зарывали. А то и совсем просто: заваливали овраги. А то и совсем просто-просто: выкидывали в море. По воле людей, которые открыли тайну: сделать человечество счастливым. Для этого надо начинать — с человеческих боен.

И вот — убивали, ночью. Днем... спали. Они спали, а другие, в подвалах, ждали... Целые армии в подвалах ждали. Юных, зрелых и старых — с горячей кровью. Недавно бились они открыто. Родину защищали. Родину и Европу защищали на полях прусских и австрийских, в степях российских. Теперь, замученные, попали они в подвалы. Их засадили крепко, морили, чтобы отнять силы. Из подвалов их брали и убивали.

Книга находится в отделе обслуживания гуманитарной литературой научной библиотеки ЧГМА

СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ

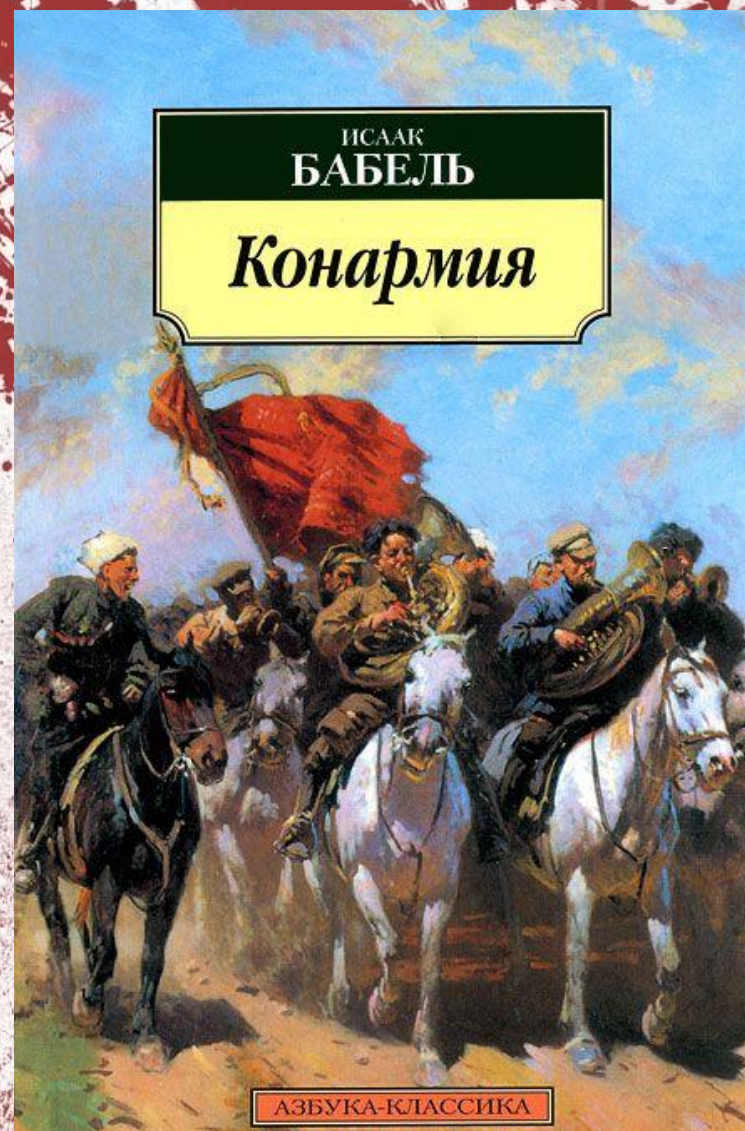

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

И В А Н Ш М Е Л Ё В

Наша красная бригада товарища Павличенки наступала на город Ростов, когда в наших рядах произошла измена. А папаша были в тое время у Деникина за командира роты. Которые люди их видали, — то говорили, что они носили на себе медали, как при старом режиме. И по случаю той измены, всех нас побрали в плен и брат Федор Тимофеич попались папаше на глаза. И папаша начали Федю резать, говоря — шкура, красная собака, сукин сын и разно, и резали до темноты, пока брат Федор Тимофеич не кончился.

*Книга доступна в электронной библиотеке «LibreBook»:
http://librebook.me/konarmia_babe_lisaak_emmanuilovich/vol1/2*

И первый поезд, который остановился около самого Ордынина, – это был революционный поезд. С ним вернулся в Ордынин Донат, полный (недоброй памяти!) воспоминаний юности, полный ненависти и воли. Нового Донат не знал, Донат знал старое, и старое он хотел уничтожить. Донат приехал творить – старое он ненавидел.

По древнему городу, по мертвому Кремлю ходили со знаменами, пели красные песни, – пели песни и ходили толпами, когда раньше древний, канонный купеческий город, с его монастырями, соборами, башнями, обулыженными улицами, глухо спал, когда раньше жизнь теплилась только за каменными стенами с волкодавами у ворот. Кругом Ордынина лежали леса, – в лесах загорались красные петухи барских усадеб, из лесов потянулись мужики с мешками и хлебом.

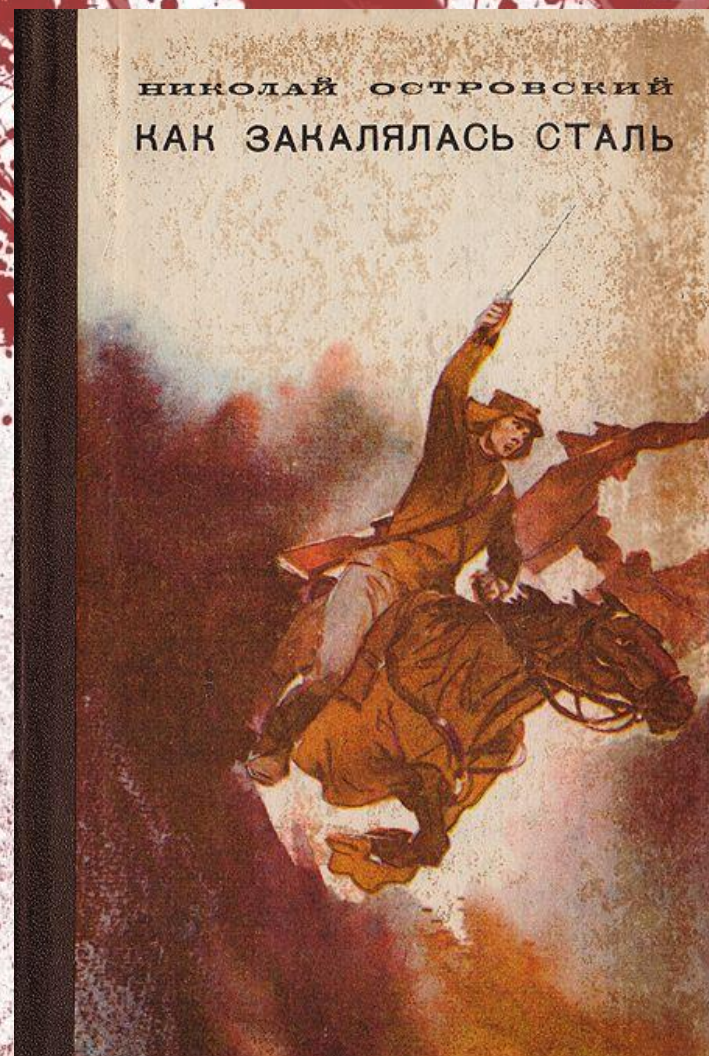
*Книга доступна в электронной библиотеке «LibreBook»:
http://librebook.me/konarmiia_babel_isa_ak_emmanuilovich/vol1/*

Прошагал мимо семнадцатый год. Для Павки, Климки и Сережки Брузжака ничего не изменилось. Хозяева остались старые. Только в дождливый ноябрь стало твориться что-то неладное. Зашевелились на вокзале новые люди, все больше из окопных солдат с чудным прозвищем «большевики».

Откуда такое название, твердое, увесистое, – никому невдомек.

Книга находится в отделе обслуживания гуманитарной литературой научной библиотеки ЧГМА

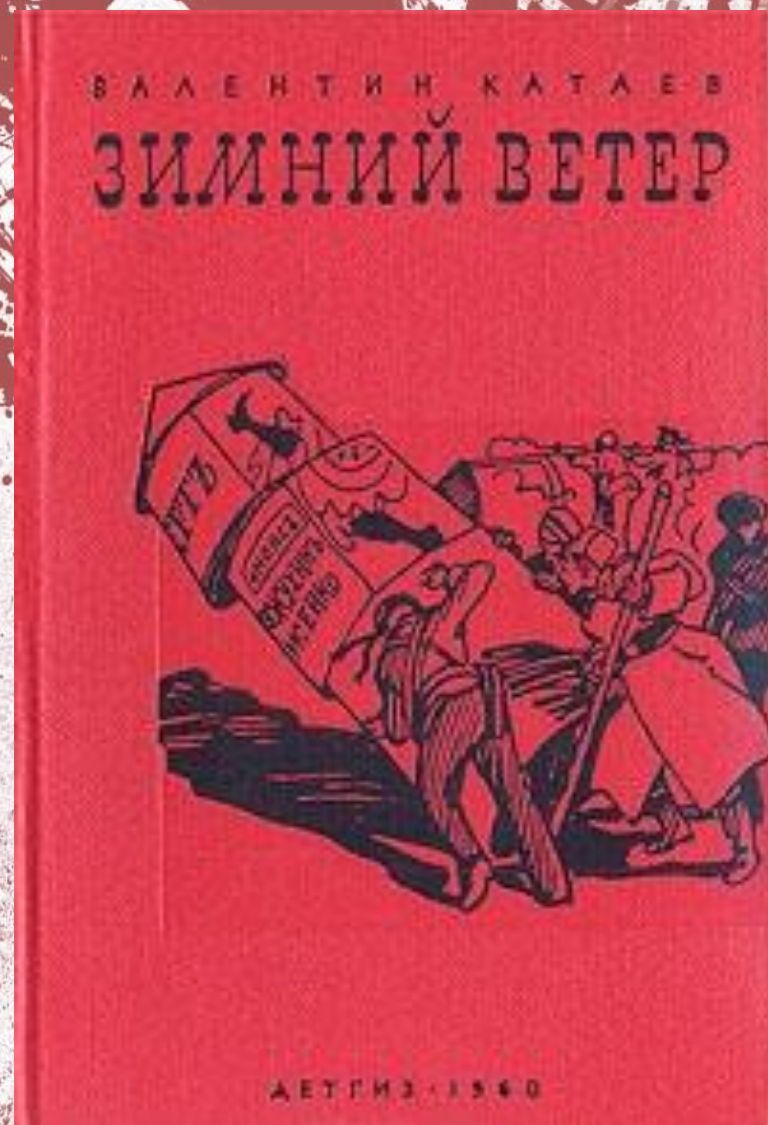
Митинги горели в разных частях площади, как костры.

То, что на фронтовых митингах, рядом с позициями, произносилось с некоторой опаской, здесь звучало в полный голос, с криками, рыданиями и швырянием фуражек на землю.

Среди защитных солдатских рубах мелькали синие воротники и белые голландки матросов Дунайской флотилии.

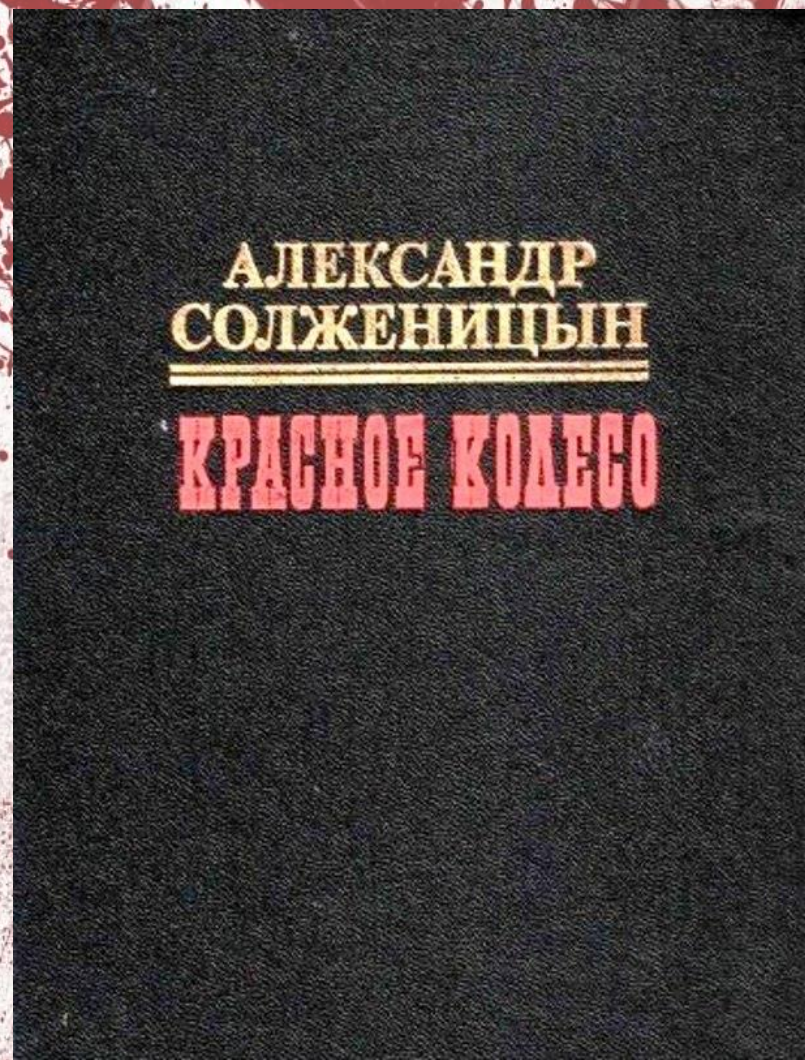
Струились георгиевские ленты черноморцев Виднелись черные кожаные куртки самокатчиков и нижних чинов автомобильных команд.

*Книга доступна в электронной библиотеке «LibreBook»:
http://librebook.me/konarmia_babe_lisaak_emmanuilovich/vol1/*

Записка Ленина Дзержинскому 7 декабря: Нельзя ли двинуть декрет „О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками“. И экстренно регистрировать всех имущих как первый шаг к введению трудовой повинности. – Ликвидируется ВРК: он выполнил свои боевые задачи, а дальнейшие работы передает отделу при ЦИК по борьбе с контрреволюцией. От сегодня это будет ЧК. – Готовится на завтра первое заседание Революционного Трибунала.

Книга доступна в электронной библиотеке «Royailib.com»:
https://royallib.com/book/gippius_zinaida/dnevnik.html

Не будем обманывать и себя и других; революция уже кончилась, и кончилась она давно! Начало ее — светлое, очищающее пламя, середина — зловонный дым и копоть, конец — холодные обгорелые головешки. Разве мы сейчас не бродим среди давно потухших головешек — без крова и пищи, с глухой досадой и пустотой в душе. Нужна была России революция? Конечно, нужна. Что такое революция? Это — переворот и избавление. Но когда избавитель перевернуть — перевернул, избавить — избавил, а потом и сам так плотно уселся на ваш загорбок, что снова и еще хуже задыхаетесь вы в предсмертной тоске и судороге голода и собачьего существования, когда и конца-краю не видно этому сиденью на вашем загорбке, то тогда черт с ним и с избавителем этим! Я сам, да, думаю, и вы тоже, если вы не дураки, — готовы ему не только дюжину, а даже целый гросс «ножей в спину».

Книга доступна в электронной библиотеке «Royailib.com»:
https://royailib.com/book/gippius_zinaida/dnevnik.html

АРКАДИЙ
АВЕРЧЕНКО

Дюжина
ножей
в спину
революции

В деревнях молились бабы.
Из далеких больших городов, встреч
хлебным маршрутам, в дребезжащих
теплушках катили красные полки. На
грязных вокзальных стенах, под ветром,
трепетали обрывки плакатов, газет с
приказами и призывами революции.
Под Клюквиным ударились.

Город подмял кулацкую
деревню, соломенная сила рухнула...
Восстанцы, бросая по дорогам вилы,
пики, ружья, на все стороны бежали,
скакали и ползли, страшные и дикие,
как с Мамаева побоища...

Страна родная... Дым, огонь —
конца краю нет!

*Книга доступна в электронной
библиотеке «Royailib.com»:*

https://royallib.com/book/gippius_zinaida/dnevniki.html

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ РОССИЯ, КРОВЬЮ УМЫТАЯ

ЛЕНИЗДАТ
КРАСНОДАР

Озон.ру

**Всё видеть, всё понять, всё знать, всё
пережить:**
воспоминания русских писателей о
революции 1917 г.

Я сам расскажу о времени
и о себе!

В. Маяковский

Опять какая-то манифестация, знамена, плакаты, музыка – и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:– Вставай, подымайся, рабочий народ! Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cave furem». На эти лица ничего не надо ставить, – и без всякого клейма все видно. ***

Прав был дворник (Москва, осень 17 г.): – Нет, простите! Наш долг был и есть – довести страну до Учредительного собрания!

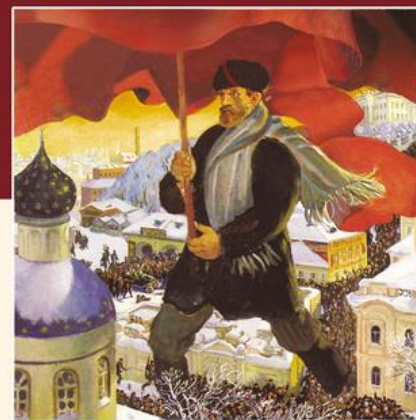
Дворник, сидевший у ворот и слышавший эти горячие слова, – мимо него быстро шли и спорили, – горестно покачал головой:

– До чего в самом деле довели, сукины дети!

Книга доступна в электронной библиотеке «LibreBook»:

http://librebook.me/konarmiia_babel_isaa_k_emmanuilovich/vol1/

ОКАЯННЫЕ ДНИ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

И В А Н Б У Н И Н

JOHN LINDSAY

Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали: я их ожидал давно и в формах, еще более жестоких. Напротив: я почувствовал себя очень приспособленным к условиям революционного бытия и действия. Принципы коммунистической экономики как нельзя лучше отвечали моему отвращению к заработной плате и к купле-продаже.

19-й год толкнул меня к общественной деятельности в единственной форме, возможной при моем отрицательном отношении ко всякой политике и ко всякой государственности, утвердившемся и обосновавшемся за эти годы, – к борьбе с террором, независимо от его окраски. Это ставит меня в эти годы (1919–1923) лицом к лицу со всеми ликами и личинами русской усобицы и дает мне обширный и драгоценнейший революционный опыт.

*Книга доступна в электронной библиотеке «Онлайн книги»:
<http://online-knigi.com/page/117669>*

Между тем жизнь семьи коренным образом изменилась. За исключением некоторых драгоценностей, хитроумно схороненных в обычных жестянках с туалетным тальком, у нас не осталось ничего. Но не это было, конечно, существенно. Местное татарское правительство смели новенькие советы, и мы испытывали самое бредовое и унижительное чувство полнейшей незащищенности. Всю зиму 1917-18 и до самой ветреной и яркой крымской весны идиотская смерть ковыляла бок о бок с нами.

Книга доступна в электронной библиотеке «Royailib.com»:
https://royailib.com/book/gippius_zinaida/dnevnik.html

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

Память, говори

Пер. Сергей Ильин,
Сергей Ильин

Я вполне отчетливо сознавала, что от меня остались клочья, и от России - тот небольшой кусок, где мы сейчас жили, без возможности свидания или переписки с теми, кто жил по другую сторону фронта гражданской войны. Говорили, что война в Европе идет к концу, - я только много лет спустя узнала, когда именно она кончилась. Говорили, что в Париже носят короткие, до щиколотки, юбки, что выходят новые книги, что театры в Лондоне по-прежнему ставят Шекспира и Шоу, что в Италии цветут лимонные деревья. Но в реальность всего этого трудно было поверить.

Книга находится в отделе обслуживания гуманитарной литературой научной библиотеки ЧГМА

Нина
Берберова
Курсив мой
Автобиография

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЛЕНЬ ШАБАНОВА

Гумилев пододвигает Белому изюм.

— Да, Борис Николаевич, трудные, очень трудные времена!..

— Трудные? Нет, нет. Совсем не трудные! Трудные времена благословенны. Времена полные труда. Я хочу трудиться, а мне не дают, — как самовар шумит и клоочет Белый. — Поймите, не дают! Скажите, что мне делать?.. Что? Что мне делать, Николай Степанович?

Книга находится в отделе обслуживания гуманитарной литературой научной библиотеки ЧГМА

И. ОДОЕВЦЕВА НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

JOHN LINDSAY

Скажу еще только вот что: пусть не ждут, что это "Книга для легкого чтения". Совсем не для легкого. Дневник – не стройный "рассказ о жизни", когда описывающий сегодняшний день уже *знает* завтрашний, знает, чем все кончится. Дневник – само *течение жизни*. В этом отличие "Современной Записи" от всяких "Воспоминаний", и в этом ее особые Преимущества: она воскрешает атмосферу, воскрешая Исчезнувшие из памяти мелочи. "Воспоминания" могут дать образ времени. Но только Дневник дает время в его длительности.

Книга доступна в электронной библиотеке «Royailib.com»:
https://royailib.com/book/gippius_zinaida/dnevnik.html

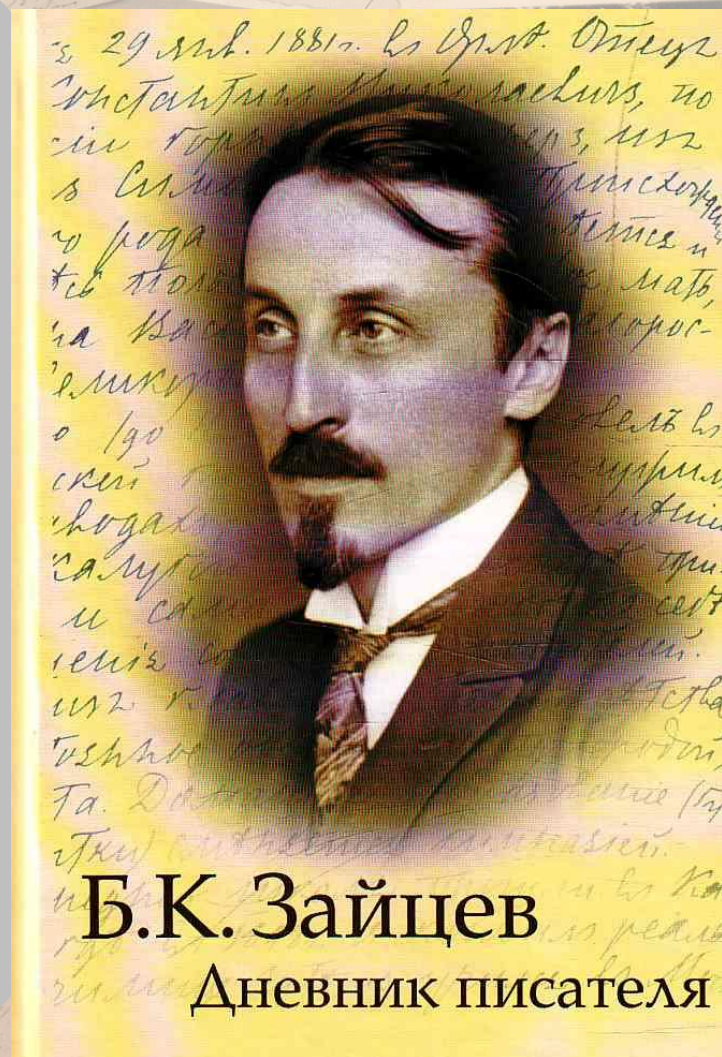
Что это было – нечто
противоестественное. В
революционной Москве! И все-таки
каждое слово, которое я сейчас
расскажу, – правда, чудовищная, и все
же – явь, было. Не комментирую.
Пишу – и почти полвека спустя –
одним удивлением.

*Книга находится в отделе
обслуживания гуманитарной
литературой научной
библиотеки ЧГМА*

Та осень девятнадцатого года была удивительна, ни на что не похожа. Грозная, страшная осень даже в природе. Метели начались в октябре. Все задувало, заносило, рвало, разбрасывало. Погибала в свисте вьюг вековая Россия. Как описать, что сказать о сердцах наших в те дни? Чем выразить глубину отчаяния? Разве плачем на реках Вавилонских... Когда Деникин повернул от Орла вниз, на юг, всем стало ясно, что спасения нет.

Книга доступна в электронной библиотеке «Royailib.com»:
https://royailib.com/book/gippius_zinaida/dnevniki.html

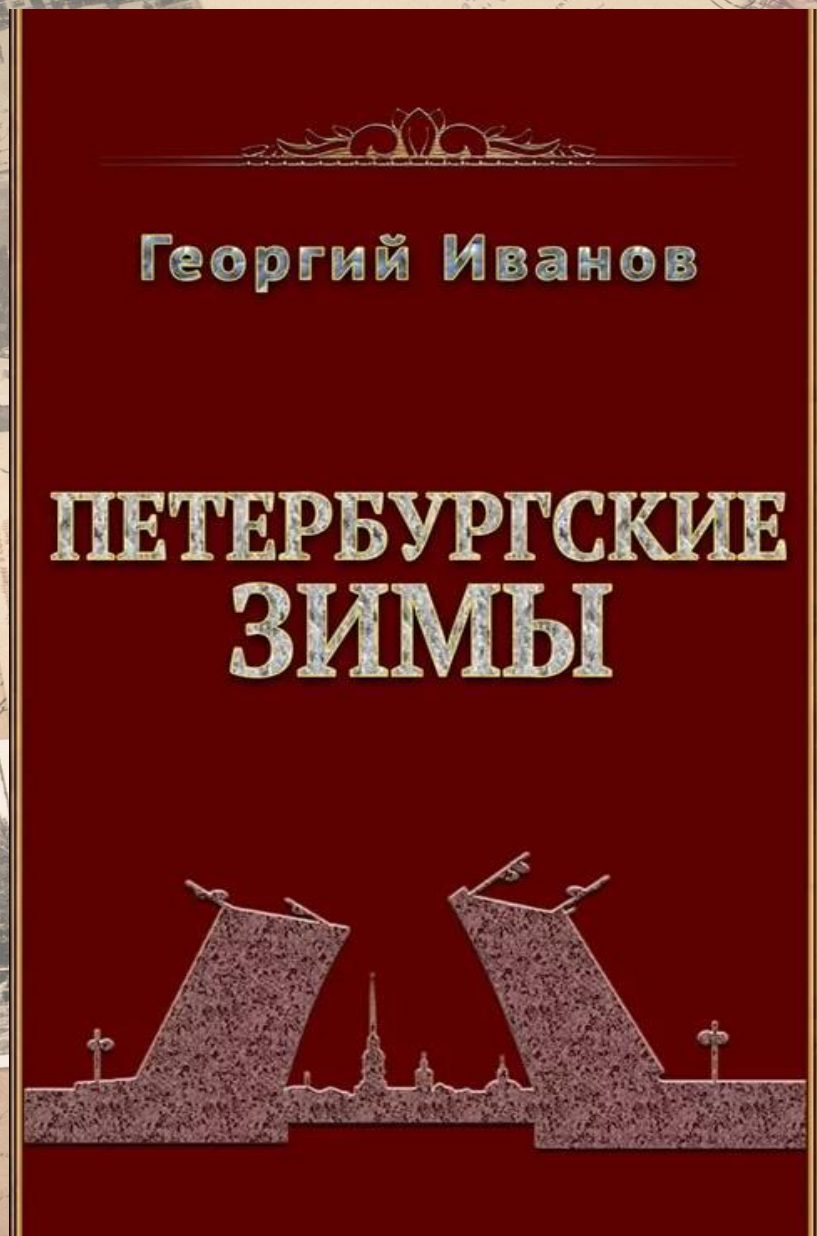

Потом, в начале лета 1917 года, в ясный, веселый, солнечный День, какой-то знакомый, встретив меня на Невском, сообщил:

- Знаете — Кульбин умер.
- От чего?
- От страху.
- Как так?
- Так. Он шел по улице. Навстречу грузовик с солдатами. Видят — генерал.

Схватили, повезли в Думу. Там его продержали полчаса и, конечно, выпустили с извинениями. Он приехал домой и слег. Пролежал два дня и отдал Богу душу. И ничего у него не было — и сердце прекрасное. Испугался очень.

Книга доступна в электронной библиотеке «Royailib.com»:
https://royailib.com/book/gippius_zinaida/dnevniki.html

В октябре 1917 года, в Москве. Окоп пересекал Остоженку поперек. В окопе сидели рабочие, солдаты и стреляли вниз по улице, по юнкерам. Третий день шел бой. Совершалось великое и грозное. Не страница истории переворачивалась, а кончался один ее том и начинался другой. Стреляли. Продвигаться вперед с одними винтовками, без артиллерийской подготовки, было трудно. Но уже знали: с Ходынки идут на Хамовнический плац батареи на помощь красным. И все ждали, когда над головами завоют снаряды и начнут бить в здание штаба, где засели юнкера.

Книга доступна в электронной библиотеке «FantasyRead»:

<http://fanread.ru/book/10090853/?page=12>

В. В. ВЕРЕСАЕВ ЗАПИСИ ДЛЯ СЕБЯ

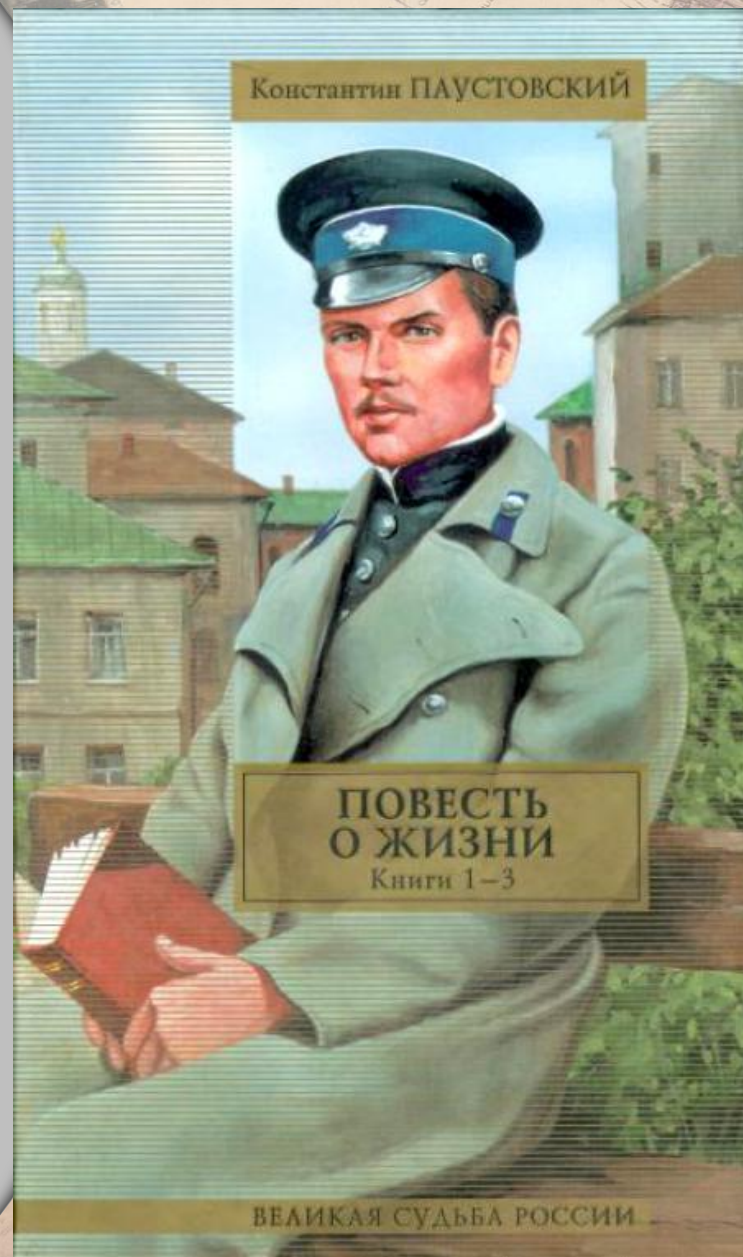

ЛЕНИЗДАТ
КРАСНОЯР

Глубокая тишина стояла вокруг. Потом раздался короткий гром. Нарастающий резкий вой пронесся на уровне выбитых окон, и тотчас с длинным грохотом обрушился угол дома у Никитских ворот. В комнате у хозяина квартиры заплакали дети. В первую минуту нельзя было, конечно, догадаться, что это бьет прямой наводкой по Никитским воротам орудие, поставленное у памятника Пушкину. Выяснилось это позже. После второго выстрела снова вернулась тишина. Месяц все так же внимательно смотрел с туманных ночных небес на разбитые стекла на полу. Через несколько минут у Никитских ворот длинно забил пулемет. Так начался в Москве октябрьский бой, или, как тогда говорили, «октябрьский переворот». Он длился несколько дней.

Книга находится в отделе обслуживания гуманитарной литературой научной библиотеки ЧГМА

Революции чаще всего совершаются не потому, что одна сторона стала просвещеннее, а потому, что другая натворила слишком уж много глупостей.

Антуан де Ривароль,
Французский писатель

Спасибо за внимание!

Виртуальную книжную выставку
подготовила библиотекарь научной
библиотеки ЧГМА
Губанова И.В.